

И.М. Майский и советско-японские отношения в 1927–1929 гг.

© 2019

Е.В. Хахалкина, Б.С. Жигалов

В статье рассматривается деятельность известного советского дипломата И.М. Майского, с 1927 г. временного поверенного в делах, затем советника полпредства СССР в Японии. Основным источником для подготовки статьи послужила переписка дипломата, в которой анализируется состояние советско-японских отношений второй половины 1920-х годов, дается характеристика японской внешней политики, прежде всего в Китае. Особый интерес представляют рекомендации И.М. Майского относительно взаимоотношений СССР и Японии в дальневосточном регионе.

Ключевые слова: Майский И.М., советско-японские отношения, Гото Симпэй, Танака Гиити, рыболовная конвенция 1928 г.

DOI: 10.31857/S013128120005310-2

В биографии известного советского дипломата Ивана Михайловича Майского важным этапом явилась работа в Японии, куда он в 1927 г. был направлен из Лондона после разрыва британским правительством отношений с СССР¹. Несмотря на кратковременность пребывания в Японии, эта работа обогатила его новым опытом, вовлекала в обсуждение новых проблем. Сам Майский в одном из писем из Японии отмечал: «Проблемы, с которыми здесь приходится сталкиваться, колоссальны по размаху и крайне интересны по содержанию... Все здесь совсем иначе, чем в Англии»².

Майский оказался в Японии в непростое время. Потерпели поражение революционные выступления в европейских странах, наступила политическая и экономическая стабилизация капитализма на Западе. На Востоке в это же время разгорается национально-освободительная революция в Китае, оказавшая огромное влияние на сопредельные страны и в целом на международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Смещаются акценты во внешней политике СССР. Для советского руководства события на Востоке выходят на первый план. Нарком иностранных дел Чичерин писал в ноябре 1924 г. полпреду в Пекине Карахану: «В теперешних выступлениях наших главных лидеров постоянно подчеркивается, что Восток столь же важен и даже важнее, чем Запад»³. В центре внимания советского руководства, наряду с Китаем, оказывается и японское направление.

Дипломатические отношения между двумя странами были установлены в январе 1925 г. подписанием в Пекине Конвенции об основных принципах взаимоотношений СССР и Японии⁴. Переговоры были долгими и трудными. Состоялось 77 заседаний представителей обеих держав. Но в Москве справедливо расценили этот акт как большой успех советской внешней политики, наряду с Рапалльским договором с Германией.

Хахалкина Елена Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru;

Жигалов Борис Степанович, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: kev394@rambler.ru.

Среди многих проблем, возникших в связи с установлением дипотношений с Японией, одной из важных оказалась кадровая проблема. Ее решение было обусловлено рядом факторов. Так, середина 1920-х годов — кульминация борьбы Сталина и его сторонников с оппозицией, завершившаяся ее полным разгромом. Сталин нередко связывал решение кадровых вопросов с судьбой своих политических противников. В августе 1926 г. Каменев был освобожден от должности наркома торговли, и Сталин пишет Молотову, тогда секретарю ЦК: «Каменева думаем в Японию»⁵. Далекая Япония казалась удобным местом для политической ссылки оппозиционеров. 12 августа 1926 г. состоялось решение Политбюро о назначении Каменева полпредом в Токио. Несмотря на отказ Каменева ехать в Японию, Политбюро 4 ноября постановило: «Предложить т. Каменеву ускорить свой отъезд в Токио»⁶.

Но неожиданно вмешались японцы. Японский посол в Москве Танака Токити заявил Чичерину, что «политическая линия вождя оппозиции не будет совпадать с политической линией советского правительства и тем самым будет лишать его авторитетности»⁷. Таким образом японская сторона давала понять, что агреман Каменеву выдан не будет.

В конечном счете полпредом в Японию в январе 1927 г. был назначен В.С. Довгалевский, переведенный из Швеции. Интересно, что когда летом 1927 г. в связи с его болезнью вновь открылась вакансия в Токио, Сталин написал Молотову: «Троцкого в Японию следовало бы»⁸.

Другим фактором, влиявшим на решение кадровых вопросов в НКИД в те годы, были острые разногласия в руководстве НКИД между Чичериным и Литвиновым. В январе 1928 г. Чичерин писал Сталину «о полнейшей и абсолютной разобщенности между мной и Литвиновым, с которым совместной работы у меня нет, никогда не было, и, конечно, не будет... Решения и шаги Литвинова очень часто остаются мне неизвестными»⁹. Конкурируя друг с другом, Чичерин и Литвинов стремились назначать «своих» людей на посты в аппарате НКИД и за границей.

Весной 1926 г. возник вопрос о назначении советника полпредства в Токио, где полпредом тогда был В. Копп, принадлежавший к сторонникам Литвинова. Среди возможных кандидатур впервые была названа фамилия Майского, работавшего в Лондоне. Кандидатура человека, принадлежавшего к «литвиновцам», вызвала резкие возражения Чичерина. Он писал в Политбюро: «Коллегия НКИД считает т. Майского совершенно неподходящим для должности советника полпредства в Японии. Я убежден, что всякий, близко знакомый с его политической работой, не может с этим не согласиться»¹⁰. Трудно сказать, что было в основе этих утверждений наркома, который совсем недавно принимал Майского на работу в НКИД.

На пост советника в Японию была утверждена «нейтральная» кандидатура Г.В. Беседовского, не принадлежавшего ни к одной группировке в НКИД. Беседовский, ставший вскоре «невозвращенцем», описал нравы тогдашнего НКИД в своих мемуарах, вышедших в 1930 г. в Париже. Инструктируя вновь назначенного советника, Литвинов говорил: «Основная язва нашей дальневосточной политики — это Карахан. Он ничего не смыслит в той работе, которая ему поручена, и стремится из всех сил выслужиться перед этой подозрительной шпаной, Бородиным (представитель Коминтерна в Китае), свалившимся нам на голову прямо из кулис чикагской биржи». И далее: «Я надеюсь, что Копп перед своим отъездом даст вам правильную информацию о положении дел на Дальнем Востоке и что вы будете продолжать его линию». Чичерин, в свою очередь, говорил Беседовскому: «Полпред Копп разошелся с линией партии и линией Коминтерна в дальневосточных делах. Он затрудняет работу Карахана, саботирует соглашение с Японией, которое развязало бы нам руки в Китае. Копп вскоре будет отозван и вам придется долго просидеть поверженным в делах»¹¹.

Результатом этих личностных интриг и конфликтов стала кадровая чехарда в советском полпредстве в Токио. За первые четыре года после установления в январе 1925 г. советско-японских дипотношений в Токио во главе полпредства сменилось пять человек:

полпреды Копп, Довгалеvский, Трояновский, поверенные в делах Беседовский и Майский. Ни одно советское загранучреждение того времени не имело такой «текучки» кадров. Любопытно, что все эти пять человек, возглавлявших полпредство, проработав в Японии год-полтора, дружно просили об отозвании из Японии и переводе на другую работу. Причины этого явления Майский потом объяснит в своих письмах из Японии.

В мае 1927 г., после разрыва Англией отношений с СССР, Майский вернулся из Лондона в Москву. Он знал, что, имея поддержку Литвинова, без работы в системе НКВД не останется. В Японию он не рвался, но в письме жене констатировал: «Япония — самая реальная из перспектив. Дело еще не решено окончательно... Имею много сомнений насчет Японии, самые главные: а) полпред — общий отзыв «милый человек», но политически значительно слабее меня, как-то сложатся при таком соотношении наши отношения; б) климат — влажный и теплый, не все его хорошо переносят»¹². Не ясно, в чем Майский видел «политическую слабость» Довгалеvского, бывшего наркома почт и телеграфа, ставшего еще в 1924 г. полпредом в Швеции.

Майского манил бурлящий Китай. В этот период левые гоминьдановцы и коммунисты создали в Ханькоу свое правительство, на которое в СССР возлагали большие надежды. Даже Сталин в одном из писем Молотову утверждал, что «Ханькоу станет скоро китайской Москвой»¹³. Поэтому неудивительно, что Майский формулирует свое пожелание относительно будущей работы следующим образом: «Я лично предпочел бы быть назначенным советником в Ханькоу». Если вопрос о Ханькоу будет решен отрицательно, «я готов ехать в Токио»¹⁴. Литвинов, более реалистично смотревший на развитие событий в Китае, был против этого намерения Майского. Как известно, правительство в Ханькоу очень скоро прекратило свое существование.

Осенью 1927 г. Довгалеvский, проработавший менее года в Японии, был отозван с поста полпреда по состоянию здоровья. 21 октября 1927 г. Политбюро приняло решение: «Обязать т. Довгалеvского выехать в Москву немедленно по прибытии Майского в Токио»¹⁵.

30 октября 1927 г. Майский прибыл в Токио и в течение двух с половиной месяцев исполнял обязанности поверенного в делах. Проводив Довгалеvского и ознакомившись с делами, Майский в своем первом сообщении в Москву дал оценку состояния советско-японских отношений на тот момент. Он писал, что торжественные проводы официальными властями Японии советского полпреда обнаружили «два основных факта: 1) наличие хороших отношений между японским и советским правительствами, 2) личную популярность т. Довгалеvского в здешних правительственных, дипломатических и общественных кругах». И далее он дает оценку «состоянию политической погоды в данный момент. И оценка эта гласит — ясно. При напряженности наших отношений на Западе такой вывод представляет для нас крупнейшее значение»¹⁶.

В другом письме, адресованном своему другу, полпреду в Польше А.П. Богомолову, Майский подчеркивал: «Официальный мир нами не только не пренебрегает, но отчасти даже перед нами заискивает, ибо мы здесь «дружественная держава», с которой японское правительство сейчас желает поддерживать добрые отношения. Как это странно и непривычно после Англии»¹⁷.

Касаясь перспектив взаимоотношений с Японией, Майский писал: «Насколько прочно нынешнее миролюбие Японии в отношении СССР? Думаю, довольно прочно, конечно, при условии гибкости нашей политики»¹⁸.

Действительно, в истории советско-японских отношений за весь межвоенный период вторая половина 1920-х годов, когда Майский работал в Японии, была самой спокойной. Это признавалось официально. В отчете о работе правительства СССР за 1926–1927 гг. говорилось: «Весь отчетный период был главным образом посвящен заключению тех экономических договоров, которые были предусмотрены Пекинским соглашением»¹⁹.

Во главе японского правительства с апреля 1927 г. по июль 1929 г. находился генерал Танака Гиити, который сохранил за собой посты министра иностранных дел и министра колоний. С его именем связан пресловутый «меморандум», который многие спе-

циалисты считают фальшивкой. Танака бывал в России до революции и знал русский язык. В условиях обострения отношений Японии с США и Англией Танака выступал за сохранение хороших отношений с СССР.

После ухода японских войск из Владивостока и ликвидации ДВР мирные отношения с Японией стали приоритетом дальневосточной политики. Уже в октябре 1922 г. Политбюро постановило: «Дать приказ расстреливать всех, кто сделал бы малейший шаг способный втянуть нас в войну с Японией»²⁰. В последующие годы Политбюро часто обсуждало вопросы отношений с Японией, неизменным был курс на недопущение обострения этих отношений. Так, в феврале 1925 г. Сталин писал Карахану, успешно завершившему переговоры с Японией, о «возможности более тесного сближения с Японией (что очень важно)»²¹. В декабре 1925 г. Политбюро постановило: «Вести линию на то, чтобы вбить клин между Японией, с одной стороны, и Англо-Америкой, с другой, стараясь не портить отношений с Японией». При этом было дано указание советской прессе «не заострять нападки на Японию»²².

Всем советским учреждениям на Дальнем Востоке предписывалось придерживаться «дружелюбного тона» во взаимоотношениях с японскими гражданами. В августе 1926 г. Политбюро приняло «строго секретное» постановление «дать директиву партийным организациям тех районов, где имеются японцы, о необходимости в интересах поддержания дружеских отношений с Японией не допускать проявления враждебности по отношению к ним»²³.

Эти документы свидетельствовали о четко выраженной миролюбивой политике СССР в отношении Японии. Это признавалось и японской стороной. В январе 1927 г., выступая в парламенте, министр иностранных дел Сидэхара подтвердил, что советская политика на Дальнем Востоке «носит миролюбивый характер»²⁴.

Чем же определялся миролюбивый курс японской стороны, в частности правительства Танаки, в отношении СССР? Анализируя эту проблему, Майский приходит к следующим выводам. «Дело в том, что положение самой Японии довольно тяжелое. Международно-политически она сейчас изолирована, в Китае ее влияние слабеет на глазах (даже в Маньчжурии), размеры внешней торговли сокращаются, промышленность рационализируется и также сокращается... В такой обстановке Японии, конечно, не до внешних авантур... Не подлежит сомнению, что инициатором (подчеркнуто Майским.— *Авторы*) нападения на нас Япония сейчас не будет»²⁵.

В другом письме, датированном сентябрем 1928 г., он констатировал: «Япония попала в клещи между американским империализмом и китайским национальным движением, отсюда их нежелание осложнять отношения с нами, по крайней мере, сейчас»²⁶. Но такое положение, считал Майский, не будет продолжаться вечно. «Если мы не используем нынешнее состояние Японии... Япония может поискать себе каких-либо “друзей”»²⁷.

«Мирный» характер советско-японских отношений отнюдь не свидетельствовал, что они были безоблачными. В Токио нередки были антисоветские выходки против полпредства и его сотрудников. В газетах в связи с событиями в Китае публиковались антисоветские материалы. В июле 1927 г. Коминтерн принял «Тезисы о Японии», написанные Н.И. Бухариным. В них перед японской компартией (малочисленной и крайне слабой) ставилась задача по свержению власти императора и построению социализма. Это вызвало взрыв антисоветизма, по всей Японии прошла волна арестов коммунистов и сочувствующих. Всего было арестовано 1568 человек²⁸. Полпредство отвечало на провокации протестами, требовало наказания виновных.

Разгул страстей в Японии по этому поводу был настолько силен, что Политбюро приняло специальное постановление, где содержались указания «напечатать в газетах сообщение ТАСС “О провокационных вымыслах японской печати”». В “Известиях” дать замечания в духе того, что японская печать валит с больной головы на здоровую. В “Правде” дать статью с руганью по адресу японской печати и разоблачением ее провокационных выходок»²⁹.

По «наследству» от своих предшественников Майскому досталась проблема ратификации Японией так называемого Бессарабского протокола. Этот протокол был подписан западными державами и Японией в октябре 1920 г. и закреплял права Румынии на захваченную Бессарабию. Протокол вступал в силу после ратификации его всеми подписантами. К 1926 г. лишь Япония не ратифицировала протокол и использовала это как средство давления на СССР. Убедившись в невозможности договориться с японцами и убедить их отказаться от ратификации протокола, Майский сообщал в Москву, что японское правительство и впредь «будет использовать бессарабский вопрос как средство давления на нас»³⁰.

Важной функцией советских дипломатов в Токио было отслеживание японской политики в Китае. Это было очень важно, поскольку именно Япония, утвердившись в Южной Маньчжурии, выступала одним из главных противников китайской революции и соперником СССР в Северной Маньчжурии, где проходила принадлежавшая СССР КВЖД. Постепенно Майский, знакомясь с поступающей информацией, формулирует свое мнение о японской политике в Китае: «Здесь дела обстоят весьма печально. Волна 1926–1927 гг. резко упала...»³¹. Ослабевает влияние на Китай капиталистических держав, прежде всего Японии. Отсюда поворот в китайской политике правительства Танаки в сторону большей агрессивности. В апреле 1928 г. Нанкинское правительство во главе с Чан Кайши начало наступление против северных милитаристов Чжан Цзолиня. В ответ японцы в мае 1928 г. ввели войска в Шаньдун. Было заявлено об «особых правах» Японии в Маньчжурии.

В апреле 1928 г. Майский пишет Д.В. Богомолу: «Ознакомившись ближе с маньчжурскими делами, я пришел к твердому выводу, что Южная Маньчжурия (не Северная) для японского империализма абсолютно необходима (там вложено свыше 1000 миллионов иен)»³². Более обстоятельно японскую политику в Китае Майский характеризует в большой статье, опубликованной в Москве. Он писал: «Только с приходом к власти в апреле 1927 г. кабинета Танаки японский империализм вновь сделал попытку перейти в наступление. Эта политика имеет целью:

- препятствовать созданию устойчивого центрального правительства Китая;
- поддерживать Китай в состоянии внутренней слабости и бессилия;
- поставить себе на службу отдельных милитаристов;
- использовать противоречия между другими империалистическими державами, используя их затруднения в Китае»³³.

По мнению Майского, японские интересы в Китае делились на две группы: японские интересы в Маньчжурии и Восточной Монголии и японские интересы во внутреннем Китае. «Маньчжурские интересы» — это интересы финансового капитала и тяжелой индустрии. Главным орудием японской экспансии здесь выступает концерн ЮМЖД (включавший 1100 км железнодорожных путей, морской порт Дайрен и около 900 млн иен инвестиций). «Внутренне-китайские интересы» — это интересы торговли, мелкой промышленности и судоходства³⁴.

Особое внимание Майский уделял советской политике в Маньчжурии. «Очень беспокоят меня наши маньчжурские дела. Необходимо не игнорировать, а искать соглашения с правителем Маньчжурии Чжан Цзолинем... Маньчжурцы ничуть не хуже и не лучше Чан Кайши. Необходима более гибкая политика... Я отнюдь не смотрю на наши возможности в Маньчжурии пессимистически: если мы сумеем проявить там достаточную гибкость и активность».

В другом письме он отмечал, что в Маньчжурии японцы «в связи с усилением Чжан Цзолиня и ростом нацдвижения в Мукдене чувствуют себя не очень сладко. Положение очень сложное, но при известной ловкости можно было бы удачно сманеврировать. Вот только сумеем ли мы это сделать?»³⁵. Не сумели!

4 июня 1928 г. поезд Чжан Цзолиня был взорван и правитель Маньчжурии погиб. Долгое время это покушение приписывалось японцам. Но появившиеся после распада СССР документы показали причастность советских секретных служб к этому теракту. Пользы СССР это не принесло. Преемник диктатора, его сын, «молодой маршал»

Чжан Сюэлян, стал проводить откровенно антисоветскую политику. Он признал Чан Кайши главой центрального правительства Китая и во многом способствовал попытке вооруженного захвата КВЖД, приведшей к военному конфликту в 1929 г.

Но это было в Китае. С Японией сохранялись корректные отношения. Более того, в мае 1928 г. Политбюро приняло решение «считать нецелесообразным предложение об официальном протесте против военных действий Японии в Китае»³⁶. Дело ограничилось лишь газетной кампанией против японской политики в Китае.

В письмах к родным Майский рассказывает о бытовых условиях жизни и работы, впечатлениях от природы Японии и ее населения. В конце декабря 1927 г. он писал отцу: «Живем мы в полпредстве. Имеем хорошенькую квартирку из двух комнат с ванной. Питаемся в очень приличной полпредской столовой... Живется нам в Японии пока неплохо»³⁷. Советская колония в Токио небольшая, около 100 человек (с женами и детьми). Отношения внутри полпредства нормальные. «Склок сейчас никаких нет, хотя раньше были»³⁸. Пока Майского все устраивает в Японии. В марте 1928 г. он пишет отцу: «Вот уже пятый месяц, как мы в Японии. В общем очень интересно и поучительно, особенно для меня. Работы у меня много, но я об этом не жалею»³⁹.

Майскому многое нравилось в Японии. В одном из писем он отмечал: «Сама страна и ее народ очень своеобразны и интересны. Ландшафт в большей части Японии крайне живописен, часто дивно красив, но не могуч, как у нас на Кавказе, а мягок, изящен, почти театрален. Япония скорее похожа на Крым. Население также в высокой степени любопытно. Есть много красивых лиц, особенно женских»⁴⁰.

Но японский климат ему не подошел. «Вот и лето прошло, — пишет он в другом письме, — в иных местах лету радуются, а здесь над ним плакать приходится... Лили беспрерывно дожди, в воздухе была мокрая духота. Нечем было дышать, тело вечно было покрыто жаркой испариной. Вдобавок на всем появляется плесень — на домах, на полах и потолках, на ботинках, на платье, висящем в шкафу, на переплетах книг, даже в постели... Это тебе не Польша и даже не Лондон. В Лондоне что — по сравнению с Японией — благодать»⁴¹.

При активном участии Майского полпредство в Токио осуществило две крупные акции. Первая — это организация гастролей в СССР известного японского театра «Кабуки». Пришлось преодолеть немало трудностей организационного и финансового характера, но гастроли японского театра имели огромный успех. Сотрудники ВОКС сообщали Майскому: «Успех превзошел все наши ожидания! Требовались наряды милиции у касс, где продавались билеты. Причем каждому выдавалось на руки не более двух билетов»⁴². В своих воспоминаниях об этих гастролях Майский приводит слова известного журналиста М. Кольцова, опубликованные в «Правде»: «С билетами на первые спектакли японского театра произошло нечто вроде массового помешательства». Сам Майский, отмечая политические последствия успеха японских артистов, подчеркивал, что в японской прессе «по отношению к западному соседу начинают проскальзывать новые, более мягкие ноты, отмечаются новые, более теплые веяния»⁴³.

Вторая — организация поездки в Москву ветерана японской политики виконта Гото Симпэй, имевшего в Японии репутацию русофила. Он являлся председателем Общества японо-советской дружбы, был близок премьеру Танака, его предполагаемой поездке в Москву в Японии придавалось большое значение. Считали, что ему удастся добиться завершения вялотекущих переговоров по важному для японцев вопросу — заключению рыболовной конвенции.

Формально Гото не состоял на государственной службе, и его поездка носила неофициальный характер. Но сам Гото уже в Москве говорил Чичерину: «Я говорю как частное лицо и в то же время как не совсем частное лицо»⁴⁴. Гото был небогат, возникла проблема финансирования его поездки. Накануне своего отъезда из Токио Довгалецкий писал в НКВД: «Я понимаю ваше нежелание терять время на безрезультатные переговоры с ветераном, но грубо отказывать ему нельзя, к тому же Гото считается в Японии про-

советской фигурой»⁴⁵. Аргументы полпредства возымели действие: 11 ноября 1927 г. Политбюро решило «признать необходимым по политическим соображениям принять Гото в Москве... за счет НКВД»⁴⁶.

Гото находился в Москве с 22 декабря 1927 г. по 21 января 1928 г. Он дважды был принят Сталиным (7 и 14 января), а также главой правительства А.И. Рыковым, вел переговоры с Чичерным и Караханом. Основное внимание на этих переговорах было уделено рыболовной конвенции, условия которой обсуждались уже несколько лет. Кроме того, Гото привез проект учреждения японской сельскохозяйственной концессии в районе оз. Ханка, а также пытался обсуждать вопросы советской и японской политики в Китае. Предложенный советской стороной проект договора о ненападении по типу советско-германского договора 1926 г. был им отклонен. Конкретно никаких договоренностей на переговорах не было достигнуто. Но через три дня после отъезда Гото была, наконец, подписана советско-японская рыболовная конвенция на условиях, сформулированных советской стороной. Действие этой конвенции затем продлевалось, и она оставалась в силе до Второй мировой войны.

В январе 1928 г. в Токио прибыл новый полпред А.А. Трояновский, лично знакомый со Сталиным и пользовавшийся его полным доверием. Энергичный и коммуникабельный Трояновский, в отличие от своих предшественников Коппа и Довгалевского, сразу стал заметной фигурой дипломатического корпуса в Токио. Он несколько раз встречался с премьером Танака. Так, в марте 1928 г. Танака пришел «пешком», по его словам, на «блины» к Трояновскому в советское полпредство. Неофициальные переговоры велись несколько часов. Майский присутствовал на этой встрече, но участия в разговоре не принимал.

Постепенно деятельный Трояновский берет на себя решение всех основных вопросов, вставших перед полпредством. Сфера полномочий Майского, как советника, резко сужается. Поэтому меняется тональность писем Майского на родину. Если 8 марта 1928 г. он писал: «Я работаю очень много и в общем доволен своим положением»⁴⁷, то письмо от 10 сентября 1928 г. звучит уже по-другому: «Жить в Японии вообще скучно и томительно: политической работы мало (на двоих не хватает), все мало-мальски важные вопросы решаются в Москве. Спасаясь пока лишь исследовательской работой. Руковожу кружком японоведения, изучаю сам Японию и Тихий океан»⁴⁸.

Итогом этих исследований явилась публикация нескольких работ под псевдонимом (уже упомянутая журнальная статья: Тайгин И. Японский империализм в Китае. Новый мир. 1928. № 8–9; монографии: Тайгин И. Японские силуэты. М., 1931. и Светлов В. Происхождение капиталистической Японии. М., 1931). Последняя монография была для своего времени серьезным марксистским исследованием истории Японии конца XIX в.

Осенью 1928 г. у Майского окончательно созрело решение покинуть Японию. 8 ноября 1928 г. он официально обратился к Литвинову (не к наркому!) с просьбой об отзыве. В заявлении он написал: «Т. Беседовский перед моим отъездом в Японию предупредил меня, что для двоих, полпреда и советника, в Токио не хватит политической работы... Т. Беседовский был безусловно прав». И далее он формулирует свою просьбу: «Обстоятельства складываются так, что я вынужден просить о скорейшем откомандировании меня из Японии»⁴⁹. Эта просьба мотивировалась ухудшением состояния здоровья жены из-за особенностей японского климата.

Что же в реальности толкало Майского и его коллег на стремление оставить работу в Японии? В своих письмах Майский отчасти разъясняет это.

Первое. Это отстранение полпредства в Токио от решения наиболее важных проблем отношений с Японией. Так, главный предмет советско-японских отношений во второй половине 1920-х годов — заключение рыболовной конвенции — обсуждался и решался в Москве. Полпредство в Токио не имело к этому никакого отношения. Это обижало работников полпредства, снижало их статус в глазах японских должностных лиц. Более жестко это сформулировал Трояновский в «личном» письме на имя Сталина

от 6 декабря 1928 г. (Кстати, вскоре сам Трояновский обратился с просьбой об отзыве его из Японии.) Полпред писал: «Мы здесь работаем в очень тяжелых условиях: во враждебной обстановке, вдали от Москвы с редкой диппочтой... меня очень удивило стремление НКВД все сколько-нибудь серьезные переговоры обязательно вести в Москве. Сюда передаются лишь мелкие кляузные или совершенно безнадежные дела... Если полпред ничем серьезным не занимается, то к нему нет смысла присматриваться. ... Серьезная работа полпреда показатель его авторитета»⁵⁰.

Второе. Это изолированность полпредства от японского общества, отсутствие нормального общения с культурными, политическими, общественными организациями и деятелями. Об этом Майский подробно писал во многих своих письмах. Так, 6 января 1929 г. он сообщает Чичерину: «Основное зло, которое здесь буквально отравляет нам существование и связывает нас по рукам и ногам, это полиция. Полиция отравляет нам жизнь двумя способами. Первый способ — слежка — “за каждым нашим шагом”. Второй — “репрессии ко всем кто пробует войти с нами в контакт”. Япония наших дней глубоко полицейское государство, несомненно, самое полицейское из всех существующих сейчас в мире». «С помощью тщательного надзора за нами и запугивания всех желающих поддерживать отношения с нами полиция создает вокруг нас искусственную пустоту. Мы сидим точно под стеклянным колпаком под перекрестным огнем тысяч чужих взглядов»⁵¹.

Просьба Майского об отзывании из Японии была поддержана Литвиновым, и 10 января 1929 г. Политбюро приняло решение отозвать Майского в распоряжение НКВД.

Суммируя свои впечатления о работе в Японии, Майский накануне отъезда на родину констатировал: «Для нас же, советских дипломатов в Японии, страна эта, вероятно, еще надолго останется весьма тяжелым испытанием»⁵².

Прибыв в Москву, Майский сталкивается с новой ситуацией в НКВД. В одном из писем он констатирует: «Г.В. (Чичерин) серьезно болен... Все еще в Берлине и пока неизвестно, когда вернется. Всеми делами заправляет М.М. (Литвинов)»⁵³. В сложившихся обстоятельствах Майский был уверен в продолжении своей дипломатической карьеры. И действительно, стараниями Литвинова Майский решением Политбюро 11 апреля 1929 г. был назначен полпредом в Финляндию.

Несомненно, это решение советского руководства было обусловлено успешной дипломатической работой Майского в Японии. С этого времени собственно и начинается вхождение И.М. Майского в советскую дипломатическую «элиту» и взлет на дипломатическом поприще в 1930-е, и особенно в начальный период Второй мировой войны в должности посла СССР в Великобритании.

1. О деятельности И.М. Майского написано довольно много, больше, чем о каком-либо другом дипломате. Но в опубликованных исследованиях речь в основном идет о его работе на посту полпреда/посла в Лондоне в 1932–1943 гг. Что было «до» и «после» Лондона остается неосвещенным. Отчасти эти сюжеты рассматриваются в монографии: *Жигалов Б.С. И.М. Майский: портрет советского дипломата по материалам его Дневника, писем и мемуаров*. Томск, 2014. Ни в опубликованном «Дневнике дипломата», ни в мемуарах Майский ничего не пишет о пребывании в Японии. Единственным источником являются его письма руководителям НКВД, родным и друзьям. См.: *Майский И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами*. М., 2005. Кн. 1. (в дальнейшем: *Переписка...*).
2. *Переписка...* С. 229.
3. *Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923—1926 гг.* М., 2008. С. 360.
4. *Документы внешней политики СССР*. Т. VIII. М.: Госполитиздат, 1963. С. 70–77.
5. *Письма Сталина Молотову*. 1925–1936 гг. М., 1995. С. 76.
6. Москва — Токио. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1931 гг.: в 2 кн. М.: Наука, 2007. Кн. 2. С. 63.

7. Там же.
8. Письма Сталина Молотову... С. 107.
9. Москва — Токио... Кн. 2. С. 226.
10. Там же.
11. *Беседовский Г.З.* На путях к термидору. М., 1997. С. 167, 173.
12. Переписка... С. 280–281.
13. Письма Сталина Молотову... С. 94.
14. Москва — Токио... Кн. 2. С. 112–114.
15. Там же. С. 176.
16. Переписка... С. 283–284.
17. Там же. С. 292–294.
18. Там же.
19. Документы внешней политики СССР. Т. X. М.: Политиздат, 1965. С. 593.
20. Москва — Токио... Кн. I. С. 141.
21. *Хромов С.С.* По страницам личного архива Сталина. М., 2009. С. 298.
22. Москва — Токио... Кн. 1. С. 699–700.
23. Москва — Токио... Кн. 2. С. 49–50.
24. *Кутаков Л.* История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 72.
25. Переписка... С. 294–295.
26. Там же. С. 326.
27. Там же. С. 295.
28. *Молодяков В.* Россия и Япония: поверх барьеров. М., 2005. С. 288.
29. Москва — Токио... Кн. 2. С. 252.
30. Документы внешней политики СССР. Т. X. С. 440.
31. Там же. С. 302.
32. Там же.
33. Новый мир. 1928. № 8. С. 164–165.
34. Там же. № 9. С. 229.
35. Переписка... С. 302.
36. Там же. С. 288.
37. Там же.
38. Там же. С. 291. Здесь Майский косвенно подтверждает то, о чем писал Беседовский: «В токийском полпредстве полным ходом шла совершенно невероятная склока, главными действующими лицами которой являлись полпред Копп и военный атташе Янель. Жизнь посольства была совершенно отравлена. Сотрудники глядели друг на друга зверьими, устраивали друг другу гадости, писали доносы». Цит. по: *Беседовский Г.З.* Указ. соч. С. 178. Даже учитывая антисоветизм «невозвращенца», следует признать, что до приезда Майского обстановка в полпредстве была ненормальной.
39. Переписка... С. 297.
40. Там же.
41. Там же. С. 322.
42. Иностранная литература. 1966. № 5. С. 237.
43. Москва — Токио... Кн. 2. С. 195.
44. Там же.
45. *Молодяков В.* Указ. соч. С. 312.
46. Там же. С. 313.
47. Переписка... С. 299.
48. Там же. С. 325.
49. Переписка... С. 326.
50. Москва — Токио... Кн. 2. С. 264–265.
51. Переписка... С. 337–340.
52. Там же. С. 341.
53. Там же. С. 347.